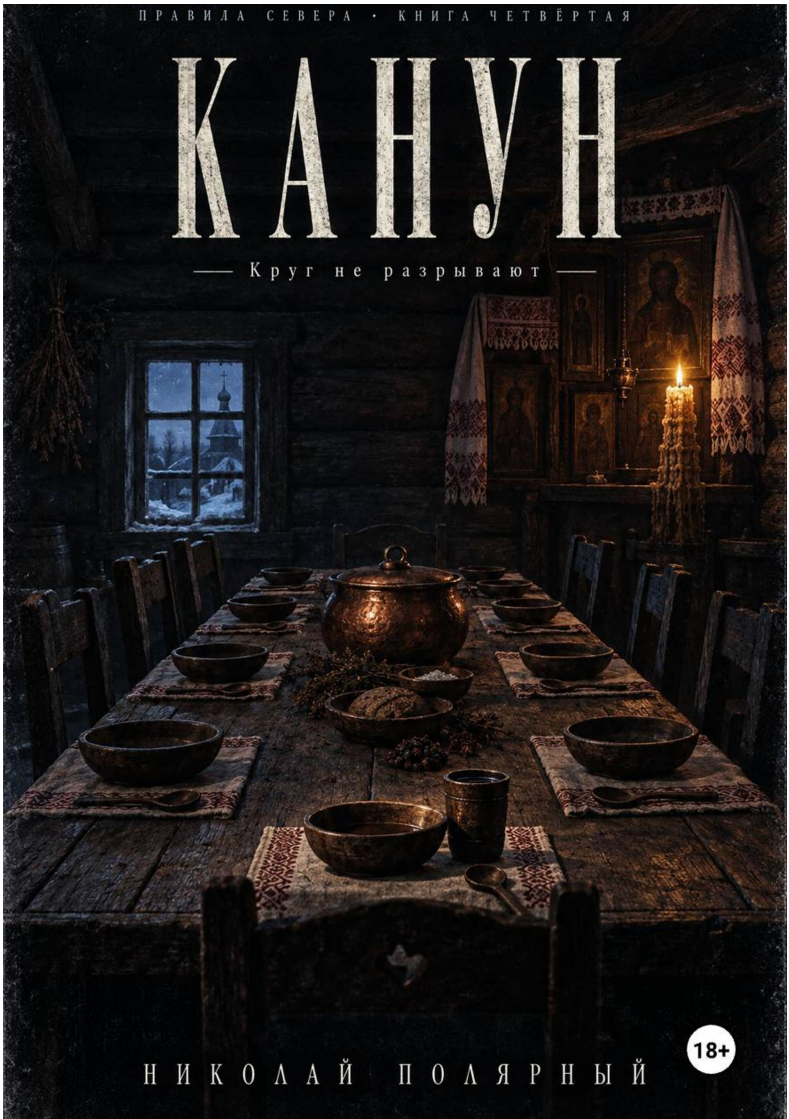
ПРАВИЛА СЕВЕРА • КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

КАНУН

Круг не разрывают

18+

НИКОЛАЙ ПОЛЯРНЫЙ

Николай Полярный
Канун

https://litres.ru/74745887
SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Чагин — конкурсный управляющий. Приехать, описать имущество, разделить между кредиторами по очереди и по закону — вот вся работа.

В Верхней Лохте он должен добанкротить маслозавод. Девятнадцать дворов, сорок один человек.

Здесь на Покров ставят канун: варят пиво всем миром, и каждый двор вносит свою сыпь. Обет дан в 1868 году, после падежа и голода, и с тех пор не пропустили ни разу.

Правила простые.

Внесённое назад не берут. Кто не внёс — за столом не сидит. Чашу передают по кругу, и круг не разрывают. Долю ушедших выставляют, но не трогают.

А в красном углу стоит свеча, которую сто семьдесят лет наращивают воском, по горстке с каждого двора. Хранят её по очереди, год, и передают дальше.

Чагин составляет реестр требований кредиторов.

Деревня составляет свой.

В её реестре он уже есть.

Братчина, канун и мирская свеча — подлинная северная традиция. Выдумано всё остальное.

Четвёртая книга цикла «Правила Севера». Читается отдельно.

Содержание

Глава 1. Инвентаризация 5
Глава 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Николай Полярный
Канун

Глава 1. Инвентаризация

Я приехал в Верхнюю Лохту девятого сентября две тысячи тридцать девятого года, в четверг, в начале пятого вечера.

Чтобы дальше было понятно, кто я и зачем, объясню коротко, потому что профессию мою обычно представляют неправильно.

Я арбитражный управляющий. В конкурсном производстве моя работа состоит из трёх действий: найти всё имущество должника, продать его и раздать деньги кредиторам в порядке очерёдности, установленной законом.

Не спасти предприятие. Не договориться. Разделить.

Двенадцать лет я приезжаю в места, где что-то кончилось, и оформляю это окончание так, чтобы оно было оформлено правильно.

Маслозавод «Кокшеньгский» был признан банкротом в феврале, конкурсное производство открыто в марте, срок продлён в августе.

Управляющим был Сорокин Борис Павлович, из Вологды. Он вёл процедуру пять месяцев и умер двенадцатого июля, у себя в квартире, от инфаркта, пятидесяти шести лет.

Меня утвердили седьмого сентября.

В деле, которое мне передали, не хватало половины документов: акта инвентаризации, отчёта оценщика, протокола первого собрания кредиторов. Сорокин ничего из этого не сдал в суд.

Я предположил, что он просто не успел.

От Вологды до Тарногского Городка четыреста километров, дальше сорок два по грунту до Верхней Лохты.

Последние сорок два я ехал час двадцать.

Дорога шла по правому берегу Кокшеньги, и это была хорошая дорога, грейдированная, с отсыпкой, из тех, за которые в районе кто-то отвечает. По сторонам стояли поля — не брошенные, а скошенные, с рулонами в чёрной плёнке.

Это я отметил сразу, потому что приезжаю обычно в другое.

Обычно я приезжаю туда, где ольха стоит в человеческий рост на месте бывшего посева, а в коровнике растёт берёза. Здесь было убрано.

Пешков ждал меня у поворота, на «Ниве», и это было второе, что я отметил.

Директора банкротящихся предприятий встречают управляющего двумя способами. Либо не встречают вовсе, либо встречают с папкой и уже на третьей минуте объясняют, что завод можно спасти.

Пешков вышел, пожал руку и сказал:

— Игорь Валентинович. Поедемте, покажу завод, пока

светло.

И сел обратно за руль.

Ему было лет пятьдесят пять, он был в чистой рабочей куртке и в резиновых сапогах, и у него были руки человека, который этими руками работает.

Завод стоял на окраине, у реки: два корпуса, кирпичный и деревянный, трубы, цистерны, весовая.

Я видел за двенадцать лет штук шестьдесят таких предприятий и обычно понимаю состояние с первого взгляда.

Здесь было вымыто.

Я говорю это как человек, который заходил в цеха, где на полу стоит вода, а в ваннах с июня киснет то, что в них налили.

В приёмном цехе был вымыт кафель. В аппаратном блестели фланцы. Вентили были подписаны от руки, белой краской, аккуратными цифрами.

— Игорь Валентинович, — сказал я. — Предприятие работает?

— Нет.

— А почему вымыто?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на вопрос, которого не ждали.

— Дак а как иначе, — сказал он.

Дальше я два часа ходил и составлял черновик инвентаризации, а Пешков ходил за мной и называл.

Он знал всё. Не по описи — по памяти.

— Сепаратор ОСН-С, восемьдесят седьмого года, работает. Ванна ВДП шестьсот, девяносто первого, работает. Маслоизготовитель, две тысячи четвёртого, в нём подшипник, я его в мае заказал, он на складе лежит, я покажу.

— Зачем вы его заказали?

— Дак сломался же.

Я остановился и записал эту фразу себе в блокнот, потому что она мне не понравилась, а почему — я тогда не понял.

Человек, у которого предприятие в конкурсном производстве, в мае заказывает подшипник на станок, который в сентябре пойдёт с торгов за восемь процентов от балансовой.

Вот что я нашёл по первому заходу, привожу сокращённо, потому что акт потом занял одиннадцать листов.

Недвижимость. Два корпуса, весовая, склад, гараж, очистные. Состояние удовлетворительное, кровля перекрыта в тридцать пятом году.

Оборудование. Сорок одна единица. Из них в рабочем состоянии — тридцать шесть.

Транспорт. Молоковоз ГАЗ, два трактора, УАЗ.

Запасы. Тара, упаковка, соль, закваска. Сырья нет.

Дебиторка. Четыре миллиона двести, из них реальных к взысканию, по моей оценке, около девятисот тысяч.

Кредиторы. Банк, налоговая, энергосбыт, девятнадцать физических лиц по заработной плате и — это я отметил отдельно — сорок один пайщик с невыплаченными паями бывшего кооператива.

Девятнадцать и сорок один.

Эти две цифры я тогда просто записал.

В шестом часу Пешков отвёз меня в деревню.

Верхняя Лохта стоит на высоком берегу, одной улицей вдоль реки, и дома там не такие, как в средней полосе: большие, двухэтажные, с хозяйственной частью под одной крышей с жилой.

Я насчитал по дороге тридцать один дом.

— Игорь Валентинович, сколько у вас дворов?

— Девятнадцать.

— А домов?

— Домов тридцать один, — сказал он. — Дворов девятнадцать.

Я не стал уточнять, в чём разница. Решил, что это про хозяйство: двор — тот, где держат скотину.

Я ошибался, но узнал об этом только в октябре.

Меня поселили в доме Сорокина.

Так и было сказано: «в доме Сорокина», хотя Сорокин прожил в нём пять месяцев и умер в Вологде.

Дом стоял третьим от края, пятистенок, с крыльцом в четыре ступени. Ключ был у Пешкова.

— Вы тут располагайтесь, — сказал он. — Дрова в сарае, колодец за баней. Магазин во вторник и в пятницу, автолавка. Связь у клуба.

— А интернет?

— У клуба.

Он постоял.

— Антон Леонидович, — сказал Пешков. — Вы к нам надолго?

— До торгов. Думаю, до марта.

Он кивнул и больше ничего не сказал, а сел в «Ниву» и уехал.

Теперь — то, ради чего написана эта глава.

Я вошёл в дом, бросил сумку в сенях и прошёл в избу.

В избе было чисто, прибрано и натоплено.

Натоплено — значит кто-то топил печь. Печь в северном доме топят утром, и к вечеру в избе держится тепло, и это тепло я почувствовал сразу, с порога, потому что снаружи было плюс четыре и сыро.

Я подумал: Пешков прислал кого-то прибраться. Это нормально. Это вежливость, за которую потом попросят о чём-нибудь.

Потом я включил свет и увидел стол.

Стол был накрыт.

Я опишу подробно, потому что это первый документ в этой истории и единственный, который я не смог ни сфотографировать правильно, ни приобщить.

Скатерть льняная, белая, с вышивкой по краю.

Тарелка глубокая, одна. Рядом ложка.

Хлеб, нарезанный, прикрытый полотенцем.

Солонка.

И кружка. Глиняная, тяжёлая, с толстым краем.

Кружка была полная.

Я стоял и смотрел на это, наверное, минуту.

Потом сделал ровно то, что делает любой нормальный человек: обрадовался.

Я ехал с восьми утра, я не ел с Тотьмы, и мне накрыли ужин. В деревне так принято. Кто-то из соседей — вероятно, та самая женщина, что топила печь, — поставила приезжему поесть.

Я снял куртку, вымыл руки в рукомойнике и сел.

И тут понял, что мне не по себе, и начал объяснять себе почему, и довольно быстро объяснил.

Дело было не в том, что накрыто.

Дело было в том, что **накрыто на одного**.

В деревне не накрывают на одного. Накрывают, ставят на стол и зовут хозяина есть, а сами садятся напротив и смотрят, как он ест, и говорят при этом не умолкая. Это я знал по другим командировкам.

А тут стояло одно место, и за ним никого не предполагалось.

Как будто накрыли не мне, а тому, кто уже тут живёт, и просто сделали это к сроку.

Я поел.

Хлеб был свой, печёный, в кружке было пиво — тёмное, густое, почти без горечи, с хлебным вкусом. Я такого раньше не пил.

Выпил я половину.

Потом убрал за собой, вымыл тарелку, вытер стол и лёг спать во второй комнате, где была кровать и где мне было спокойнее, чем в избе.

Утром десятого сентября я встал в семь, спустился и первым делом посмотрел на стол, потому что собирался вернуть посуду соседке и поблагодарить.

Скатерть была убрана.

Стол пустой, чистый, протёртый.

А на нём, с краю, стояла та же глиняная кружка.

Полная.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.